

Политическая лингвистика. 2025. № 3 (111).
Political Linguistics. 2025. No 3 (111).

УДК 81'27+811.161.1'271.2
ББК Ш100.621+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.47

Код ВАК 5.9.5

Ирина Борисовна Фан¹, Надежда Васильевна Багичева²

¹ Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия, Irina-fan@yandex.ru[✉], SPIN-код: 7669-2188

² Уральский государственный педагогический университет, espoir17@mail.ru[✉], SPIN-код: 2965-6978

«Товарищ» и «гражданин»: обращения как маркеры социального (не)равенства

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются обращения «товарищ» и «гражданин», используемые в литературе, публичной и повседневной речи советского времени. Значения этих слов меняются в ходе советской истории как эволюции политического языка и речи, аккомпанируя изменениям социально-политических отношений, включая отношения между властью и населением. Использование на официальном уровне обращения «товарищ» восходит к XIX веку, первоначально оно распространилось в революционной среде, особенно в марксистских кружках как компонент структуры «товарищ + имя». Сохранив значение «равного соучастия», данное слово стало применяться к членам подпольных организаций и приобрело значение «наших», «своих», «идеологически проверенных». Показано, как в ранне-советское время на распространение и семантику обращений «товарищ» и «гражданин / гражданка» влияли литературные произведения (Горький, Маяковский), а также политические сочинения В. Ленина. Социальное равенство, провозглашаемое коммунистической идеологией, рассмотренное сквозь призму обращений «гражданин» и «товарищ», оказывается утопическим феноменом, и подлинное распределение влияния воплощается в идеологической доктрине и риторических конструкциях, употребляемых по-разному в различных социальных средах и контекстах. В современном российском политическом дискурсе отчасти сохраняется это скрытое противопоставление при обращении «рядовых» и «ответственных» товарищей, принятое среди военных и в партийных структурах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Советское государство, советский период, советское общество, советская идеология, речевой этикет, речевые этикетные формулы, обращения, «гражданин», «товарищ», социальное неравенство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Фан Ирина Борисовна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения РАН; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; email: Irina-fan@yandex.ru.

Багичева Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 259; email: espoir17@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фан, И. Б. «Товарищ» и «гражданин»: обращения как маркеры социального (не)равенства / И. Б. Фан, Н. В. Багичева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 278-285.

Irina B. Fan¹, Nadezhda V. Bagicheva²

¹ Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, Irina-fan@yandex.ru[✉], SPIN code: 7669-2188

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, espoir17@mail.ru[✉], SPIN code: 2965-6978

Tovarishch and Grazhdanin: Forms of Address as Markers of Social (Non-) Equality

ABSTRACT. The article examines the forms of direct address “tovarishch” (comrade) and “grazhdanin” (citizen) used in literature and public and everyday speech of the Soviet era. The meanings of these words change over the course of Soviet history as an evolution of political language and speech, accompanying changes in socio-political relations, including relations between the government and the population. The official use of the word “tovarishch” dates back to the 19th century. Initially it spread in the revolutionary environment, especially in Marxist circles as a component of the “tovarishch + name” structure. While retaining the meaning of “equal complicity”, this word began to be applied to members of underground organizations and acquired the meaning of “ours”, “our own”, “ideologically proven”. The study shows how, in the early Soviet period, literary works (by Gorky, Mayakovsky, etc.), as well as political writings by V. Lenin influenced the distribution and semantics of the direct address forms “tovarishch” and “grazhdanin / grazhdanka”. Social equality proclaimed by the communist ideology, viewed through the prism of the address forms “grazhdanin” and “tovarishch” turns out to be a utopian phenomenon, and the true distribution of influence is embodied in the ideological doctrine and the rhetorical constructions used in different social environments and contexts in different ways. In modern Russian political discourse, this hidden contrast between the forms of direct address of the “rank-and-file” and “responsible” comrades to each other, accepted among the military and in party structures, partially persists.

KEYWORDS: Soviet state, Soviet period, Soviet society, Soviet ideology, speech etiquette, speech etiquette formulas, addresses, grazhdanin, tovarishch, social inequality.

AUTHOR'S INFORMATION: *Fan Irina Borisovna, Doctor of Political Science, Associate Professor, Leading Researcher of Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.*

Bagicheva Nadezhda Vasil'evna, Candidat of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Methods of its Teaching in Primary School, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Fan I. B., Bagicheva N. V. (2025). Tovarishch and Grazhdanin: Forms of Address as Markers of Social (Non-) Equality. In Political Linguistics. No 3 (111), pp. 278-285. (In Russ.).*

Интересным явлением советской истории, важным для оценки эффективности государственной политики, представленной в официальных решениях, документах, законах, публичных речах и т. п., является принятый в повседневной жизни тип обращения людей друг к другу и обращения лиц, наделенных властью, к массовому индивиду. По нашему мнению, помимо лингвистического, социально-этического и иных аспектов [Куликова 2017; Паневина 2021], обращения имеют также политико-антропологическое содержание, поскольку в обращениях, как и в языке в целом, фиксируются отношения власти и человека, отношения равенства и неравенства, иерархии, господства и подчинения.

Обращения *товарищ* и *гражданин* в русском речевом этикете имеют весьма примечательную историю, сравнимую с историей отдельных людей, целых поколений и всей страны. В разные времена они то награждались высоким риторическим смыслом: *Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!* (А. С. Пушкин. «К Чаадаеву»); *Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан!* (Н. А. Некрасов. «Поэт и гражданин»); то отмечались особой политической коннотацией от высокой до уничижительной: *... уж конечно, как же, какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы понимаем-с! Мы в университетах не обучались. В квартирах по 15 комнат с ванными не жили* (М. А. Булгаков. «Собачье сердце»); *Гражданка! Наша любовь ликвидирована. Не мешайте свободному гражданскому чувству, а то я милицию позову...* (В. Маяковский. «Клоп»); то свидетельствовали о равенстве, единомыслии, принадлежности к одной общности и к одному гражданству: *Наши нивы глазом не обшаришь, / Не упомнишь наших городов, / Наше слово гордое «товарищ» / Нам дороже всех красивых слов* (В. Лебедев-Кумач. «Широка страна моя родная»).

Из разных источников по культуре речи известно, что обращение — это один из элементов структуры публичной речи, именно с него начинается вступление. Обращение одновременно является способом привлечения внимания слушателей, инструментом установления контакта и диалога с ни-

ми, вовлечения аудитории в мысленный диалог и процесс коммуникации в целом, осуществляемый выступающим. Обращение может предполагать и обратную связь слушателей и выступающего человека. Помимо этого, обращение может служить инструментом установления или проверки социального равенства собеседников, как, например, в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце». Герой повести Шариков, обращаясь к профессору Преображенскому, называет его *товарищем*. «Для Шарикова, постигающего основы этикета и получающего от Швондера представление о социальной расстановке сил, более подходящей представляется форма *товарищ*: — *А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ?* — *Филипп Филиппович!* — *раздраженно воскликнул Филипп Филиппович, — я вам не товарищ! Это чудовищно!* Шариков считает логичным использование обращения *товарищ*, поскольку он причисляет себя, хотя и без всяких на то оснований, к „трудовому элементу“, к пролетариям» [Чжан 2018: 230].

В официальных мероприятиях с четкой, отработанной процедурой обращение является фиксированным. Примером таких мероприятий в советское время могут служить собрания (партийные, комсомольские, профсоюзные, трудовых коллективов и т. д.), где кроме слова «товарищи» иного обращения и не предполагалось. Все участники таких собраний — и выступающие, и слушатели — заранее знали, как принято обращаться к присутствующим: — *Товарищи!* — *вдруг очень громко сказал директор. — Парни и девочки, смотрите. Во все глаза смотрите на вашу подругу. Хорошо смотрите, чтобы запомнить* (Б. Васильев. «Завтра была война»). Тем не менее в произведениях советского искусства, особенно в литературе и кино, можно столкнуться с периодически упоминаемым, но глубоко так и не исследованным феноменом глубокой разницы употребления слов «товарищ» и «гражданин». Мы предполагаем, что различие это является принципиальным, хотя в советское время оно не афишировалось публично и, скорее, скрывалось. Об этой разнице, например, писал Д. С. Лихачев, советский и российский филолог, культуролог, доктор

филологических наук, профессор, в своих воспоминаниях о пребывании в 1928–1932 гг. в лагерях на Соловках и строительстве Беломорканала. Туда он попал по странному обвинению «в связи с папой Римским», поводом для обвинения стало членство юного Д. Лихачева в кружке молодых романтиков под названием «Космическая академия наук» [Лихачев 1991: 63–84; 123–127].

Д. С. Лихачев вспоминал: «Это теперь только отмечают как „особые“ 1936 и 1937 гг. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. „красного террора“, а потом, как бы пульсируя, усиливались, — усиливались в 1928-м, 1930-м, 1934-м и т. д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города, в которых надо было дать квартиры своим „работникам“ ... Как же можно было не знать о терроре? „Незнанием“ старались — и стараются — заглушить в себе совесть. Помню, какое мрачное впечатление на всех произвел приказ снять в подворотнях списки жильцов (раньше в каждом доме были списки с указанием, кто в какой квартире живет). Было столько арестов, что приходилось эти списки менять чуть ли не ежедневно: по ним легко узнавали, кого „взяли“ за ночь. Однажды было даже запрещено обращаться со словом „**товарищ**“ к пассажирам в трамвае, к посетителям в учреждениях, к покупателям в магазинах, к прохожим (для милиционеров). Ко всем надо было обращаться „**гражданин**“: все оказывались под подозрением — а вдруг назовешь „товарищем“ „врага народа“? Кто сейчас помнит об этом приказе. А сколько развелось доносчиков! Кто доносил из страха, кто по истеричности характера. Многие доносами подчеркивали свою верность режиму. Даже бахвалились этим!» [Лихачев 1995: 293].

Каково происхождение различия между, с одной стороны, публично декларируемым равенством советских граждан (главное завоевание социализма) и, с другой — обычной практикой взаимодействия облеченных партийной или военной властью вышестоящих «товарищей» с подчиненными, простыми «гражданами» или, тем более, с исключенными из советской системы «лишенцами»? Маркером низкого статуса индивида служило использование обращения «гражданин» работниками органов правопорядка к людям, находящимся под подозрением, арестованным, заключенным, судимым. В такие мог попасть любой человек, совершивший уголовное преступление, либо лишь подозреваемый в политических преступлениях, незаслуженно попавший в жернова репрессий. Такое различие «товарищей»

и «граждан» в 1920–1930-е годы стало нормой и сохраняющейся традицией в последующие десятилетия. Подследственный или заключенный должен был обращаться к представителям власти «гражданин начальник», «гражданин судья», «гражданин прокурор» и т. д. Если вдруг подследственный употребит слово «товарищ», то ему обязательно напомнят поговорку: «Тамбовский волк тебе товарищ». Обращение «гражданин» к подследственному или заключенному, а также таких лиц к представителю органов правопорядка означает понижение не только политического, но и социального статуса человека, лишение его любых прав и достоинства. Такой человек и фактически, и символически исключался из «общества равных». Само слово «гражданин» стало ассоциироваться с подозрением и задержанием работниками милиции или других органов принуждения; в нем закрепилось негативное значение и уголовный подтекст.

Реальный статус современного российского гражданина как наследие советской истории рассматривался в ряде работ И. Б. Фан [Фан 2002; 2017]. В нынешнем языке россиян фиксируется лакуна [Багичева 2016], отсутствие единого обращения к рядовому населению и несформированность культуры обращений [Паневина 2021: 109]. Ограничения в обращении к женщинам в обиходно-бытовой речи существовали и при наличии универсального обращения *товарищ*, поскольку оно не имеет соотносительного существительного женского рода. По этой причине при обращении к женщинам применялось существительное *гражданка* [Лью Минлин 2007: 63].

Слово «товарищ» имеет богатую историю, но исходное значение, составляющее смысловое ядро данной лексемы, — «ровня в чем-либо», «соучастие в каком-либо деле» [Даль 1998: IV: 774]. Эти значения слово реализует в известных пословицах: *На вкус и цвет товарища нет. Сам пропадай, а товарища выручай*; в классических литературных произведениях: *На диком берегу Иртыша / Сидел Ермак, обаятый думой. / Товарищи его трудов, / Побед и громозвучной славы / Среди раскинутых шатров / Беспечно спали близ дубравы* (К. Ф. Рылеев. «Дума о Ермаке»); *Вскормленный в неволе орел молодой, / Мой грустный товарищ, махая крылом, / Кровавую пищу клюет под окном* (А. С. Пушкин. «Узник»); *Когда в товарищах согласья нет, / На лад их дело не пойдет* (И. А. Крылов. «Лебедь, рак и щука»); *Жаль мне было терять хорошего товарища, но ничего не поделаешь. Мы растались искренними друзьями* (В. К. Арсень-

ев. «Дерсу Узала»); *В полку всё было известно: кто был поручик, кто ротмистр, кто хороший, кто дурной человек, и главное, — товарищ* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»); *Они это понимали и прощались со мной хоть и приветливо, хоть и ласково, но далеко не как с товарищем, а будто с баринном* (Ф. М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома»); *Я теперь ваш не дядька, а друг, по крайней мере, хочу быть другом и товарищем и советчиком, где могу, и больше ничего* (Л. Н. Толстой. «Юность») и т. п.

Таким образом, в значении слова *товарищ* заключена идея равенства соучастников в каком-то деле или организации (предприятии): *Наверх вы, товарищи, все по местам, / Последний парад наступает, / Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», / Пощады никто не желает*.

В XIX веке слово «товарищ» распространилось в революционной среде, особенно в марксистских кружках, где принято было обращаться к соратникам по борьбе этикетной формулой *товарищ* + имя: *товарищ Андрей* — партийный псевдоним Я. М. Свердлов. «Обращение *товарищ* в революционные и послереволюционные годы несло в себе яркие положительные коннотации. Так обращались к незнакомым, в которых по внешнему облику можно было признать единомышленников, и к знакомым — соратникам, членам одной социальной общности» [Формановская 1989: 25]. Сохранив значение «равного соучастия», данное слово стало применяться к членам подпольных организаций и приобрело значение «наших», «своих», «идеологически проверенных»: *Не такое нынче время, / Чтобы нянчиться с тобой! / Потяжелее будет бремя / Нам, товарищ дорогой!* (А. А. Блок. «Двенадцать»); *А всего сильнее желаю / Я тебе, товарищ мой, / Чтоб со скорою победой / Возвратился ты домой* (М. Исаковский. «Прощание»); *Пока гуляет по стране / кровавый дым пожарищ, / пока страна моя в огне, / не жди меня, товарищ* (С. И. Кирсанов. «Не жди меня»).

В советское время «обращения *товарищ* и *гражданин/гражданка* заменили большое число обращений, обозначавших до революции сословные и классовые различия людей и свидетельствовавших о социальном неравенстве: *ваше благородие, ваше превосходительство, ваше степенство, господин, сударь, милостивый государь* и т. п.» [Формановская 1989: 26].

В. Е. Голдин напоминает о сказке А. М. Горького «Товарищ», в которой это обращение сыграло поистине революционную роль [Голдин 1983]. Факт существования такой

сказки помог нам понять идейные истоки пропасти между статусом людей, достойных обращения «товарищ», и статусом людей, не достойных такового, тем, кому полагается лишь обращение «гражданин» или «гражданин». Это парадоксально, если вспомнить европейскую традицию, идущую от Аристотеля, который определял гражданина (*polites* — греч.) как «человека, участвующего в господстве». «Гражданином в общем смысле является тот, кто причастен к властвованию и к подчинению; при каждом виде государственного устройства сущность гражданина меняется. При наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать, имея в виду жизнь, согласную с требованиями добродетели» [Аристотель 2003: 406]. Исследование традиции употребления слов *polites* (греч.), *civis* (лат.), *citizen* (англ.), *Bürger* (нем.), *citoyen* (франц.), исходных для заимствованного из европейских языков слова «гражданин», исторического изменения значений русского слова «гражданин», а также специфики трансформации правового и политического статуса гражданина в России проведены И. Б. Фан [Фан 2002; 2017].

На наш взгляд, обращения, применяемые в повседневной жизни и отражаемые в произведениях искусства, зачастую более адекватно отражают реальные отношения между неравными по социальному и политическому положению людьми, чем публичные декларации и лозунги. Тип обращения задается не декларируемой социальной структурой общества и провозглашаемым в ряде конституций СССР равенством советских граждан, а фактической, неформальной структурой советского общества.

А. М. Горький, один из авторов художественных интерпретаций большевистской утопии построения нового общества и создания нового человека, а также создатель основ канона социалистического реализма, написал сказку «Товарищ!» [Горький 1989]. В этой сказке описывается «город рабов и хозяев», где «нет солнца, нет воли, нет счастья», и рассказывается о том, какой эффект произвело слово «товарищ» на нищих, проституток, извозчика, полицейского и других обитателей этого города. В местах, где жила беднота, «невидимо ходили одинокие мечтатели, полные веры в человека, всем чужие и далекие, проповедники возмущения, мятежные искры далекого огня правды. Они тайно приносили с собой в подвалы всегда плодотворные маленькие семена простого и великого учения и ... сеяли эту ясную, жгучую правду в темных сердцах людей-рабов»

[Горький 1989: 383]. Смысл слова «товарищ» раскрывается Горьким через метафору — «что-то твердое, сверкающее и многогранное, как алмаз, было в нем» [Горький 1989: 385]. «В жизнь рабов ... было брошено простое светлое слово „товарищ!“». Попад в среду «униженных рабов», это слово «вросло» в их сердца, объединило, вызвало их солидарность, подняло на борьбу, и «они перестали быть рабами». Оно позвало их к «новой жизни — правды и равенства», к «уважению свободы в других». Данное слово выполняло ряд функций: несло «весть о новом будущем», «пришло объединить весь мир, поднять всех людей на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека, ради свободы его»; оно вызывало «радость приобщения отверженных к великой семье трудящихся всего мира»; в нем «раб-человек нашел магическое, необоримое выражение воли своей — освободился от гнета и увидал воочию власть свою — власть творца» [Горький 1989: 384–386]. Приняв данное обращение за норму, трудящиеся города обрели «сознание священного права быть хозяевами жизни, законодателями и творцами ее», и открылась новая жизнь, равная для всех. *«То там, то тут вспыхивал огонек, призванный разгореться в пламя, которое объемлет землю ярким чувством родства людей ее. Объемлет всю землю и сожжет, и испепелит злобу, ненависть и жестокость, искажающие нас, объемлет все сердца и сольет их в единое сердце мира, — мира правдивых, благородных людей, в неразрывно-дружную семью свободных работников»* [Горький 1989: 388].

Таким образом, в сказке А. М. Горького, написанной в 1906 г., отражающей идею мировой революции, слово «товарищ» наполнялось универсальным смыслом — распространялось на весь мир, означало «чувство родства всех людей» и их равенства и братства «всех со всеми» [Горький 1989: 387]. В этом проявлялись утопические представления идеализировавшего революционеров и трудящихся А. М. Горького о будущей революции в России. Безусловно, данная сказка не являлась директивой для представителей революционных кругов, однако она передавала их идейный и психологический настрой на легитимацию целей завоевания власти. Эта сказка не очень известна, но интересна для анализа, хотя и вызывает вопросы: автор не называет тех, кем было брошено это слово и какое учение несли «проповедники». Тем не менее в данной сказке зафиксировано обращение, принятое в среде революционеров, в том числе боль-

шевиков, и это обращение *товарищ* — «великое слово, призванное объединить мир», «простое, емкое, как сердце», сравнимое с «веселой звездой, путеводным огнем».

В отличие от А. М. Горького, В. И. Ленин весьма произвольно поступал с обращениями. Провозглашая себя марксистом, Ленин игнорировал факт обращения К. Маркса к своим соратникам именно словом «гражданин» (Bürger — нем.). Ленин использовал русское слово «гражданин» для критики разных политических деятелей — В. Чернова, А. Керенского и других. Он написал небольшую статью под названием «Логика гражданина В. Чернова» (21 апреля (4 мая) 1917 г.), в которой разоблачал тезис лидера партии социал-революционеров В. Чернова: «Ленин — нечто вроде маниака» [Ленин 1958: 31: 306]. На съездах большевистской партии В. И. Ленин применял обращение «товарищи». В перечне работ Ленина встречаются такие названия, как «О врагах народа», «О чистке партии» и т. д., вбрасывающие идеи для последующих партийно-государственных практик. Чаще всего обращение «гражданин» Ленин применял ситуативно, в полемике, но почти всегда в нейтральном или уничижительном смысле. Были у него работы «Ко всем гражданам России», «К населению», «Гражданам села Горки» (20 июня 1921 г.) и т. д. Содержание этих работ свидетельствует о том, что Ленин не делал различия между словами «граждане» и «население» и политического значения слову «гражданин» не придавал. Часто употребляемым оскорбительным обращением у Ленина было слово «господин» или «господа буржуа».

Впоследствии, после 1917 г. и прихода большевиков к власти, обращение «товарищ» стало неформальным обязательным обращением, в первую очередь среди членов коммунистической партии (ВКП(б) — КПСС), поначалу среди руководителей и активистов, затем и среди рядовых членов партии. Постепенно партия стала массовой, иерархической, разделилась на «внешнюю» (рядовых членов) и «внутреннюю» (высших партийных чинов, «ответственных товарищей») партии, проникла во все сферы общественной и государственной жизни, и не в последнюю очередь в армию и все органы принуждения. Так обращение «товарищ» стало нормой, но не для всех. Это обращение не только объединяло, но и обозначало границы, не включая в общность равных некоторые категории людей.

Итак, обращение «товарищ» — характеристика человека, принадлежащего к организации людей, равных по социальному по-

ложению («классово чистых») и близких по убеждениям (прежде всего, коммунистическим). В. Е. Гольдин цитирует слова писателя Л. Я. Борового: «После октябрьской революции мир разделился на *товарищей* и *других*» [Гольдин 1983: 87]. Значит, «товарищ» — это тот, кто принят в «новое общество», «новый мир»; единомышленников это слово объединяет. Однако данное слово еще и отграничивает единомышленников, членов одной партии, от ряда категорий людей: во-первых, от классово чуждых «господ» и «сударей», подозреваемых в контрреволюционности; во-вторых, от чуждых по идеологии и мировоззрению, от мыслящих и действующих иначе, «других», в-третьих, от «простого» населения. Так, 26 января 1924 г. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин дал клятву основателю и вождю большевистской партии: *«Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, чем честь принадлежать к этой армии»*. Чтобы называться товарищем, нужно это заслужить, например, «породниться с пролетариатом» («пролетарской» партией).

Но необходимо было и обращение ко всяким «другим». Слово «гражданин» в истории русского языка и политической культуры так и не обрело четкого политического и юридического значения и, по сути, означало человека из общего населения [Фан 2017]. Поэтому его и стали использовать, с одной стороны, для публичных заявлений, с другой, в повседневной жизни по отношению к разным категориям беспартийных и даже «деклассированных элементов». Так, обращения фиксируют разделение на «товарищей» (по партии, по службе в армии и других силовых структурах) и «граждан» (остальных). «Лишенцы» — люди, лишённые даже формального гражданства, вообще выносятся за рамки общества. «Граждане» — обращение к представителям «старого мира», «мещанам», населению. Соответственно, считалось, что убеждения, идеалы и ценности «товарищей» более близки к истине, более высокие, чем у «граждан».

Обратимся к произведениям советского искусства. В творчестве одного и того же поэта, В. Маяковского, слово «гражданин» могло звучать по-разному и наполняться разным смыслом. Предполагаем, что это связано с противоречием между ролью публично признанного «певца революции» и советского строя и положением частного человека, личности. Столкновение с реаль-

ностью способно привести творческую личность к пониманию, что существует разрыв между тем, в каких целях партия-государство использует талант поэта, и тем, как сам поэт видит свое призвание. Такое понимание могло оказаться трагичным. В 1929 г. В. Маяковский публично воспел «краснокожий», «молоткастый, серпастый советский паспорт», определяющий его принадлежность к стране:

*Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.*

[Маяковский 1984: 351]

Это стихотворение десятилетиями демонстрировало гордость советских людей за собственную принадлежность советскому государству, оно было флагом советского патриотизма. При этом весьма скупое и выборочно описывалась история создания стихотворения, его биографический контекст — заграничная поездка В. Маяковского.

Феерическая комедия В. Маяковского «Клоп» написана в 1928–1929 гг., то есть примерно в то же время, что и стихи о паспорте. В ней можно найти интересное сопоставление обращений *товарищ* и *гражданин*. Для поэта важно было не отличие политико-правового статуса подданного и гражданина, а идейное и культурно-психологическое противопоставление «товарища» и «мещанина», которого в то время называли гражданином. Приведем фрагмент пьесы:

Розалия Павловна: *Товарищ Присыпкин...*

Присыпкин: *Не называйте меня товарищем, гражданка, вы еще с пролетариатом не породнились.*

Розалия Павловна: *Будущий товарищ, гражданин Присыпкин, ведь за эти деньги пятнадцать человек бороды побреют, не считая мелочей — усов и прочего. Лучше пива к свадьбе лишнюю дюжину* (В. Маяковский. «Клоп»).

Поэт фиксирует важный акцент в культуре 1920-х годов — противоречие между необходимостью борьбы за коммунистические идеалы и «новой экономической политикой», санкционированной партией и давшей ход распространению обывательского мировоззрения, потребительства и пошлости. Это противоречие отражает разрыв между официальной большевистской идеологией, которая, по сути, игнорирует реальные жизненные потребности людей, и практической политикой большевистской партии, вынужденной использовать экономический потенциал «нэпманов» для сохранения власти:

Подождем здесь, товарищ Скрипкин. Зачем вам сливаться с этой мелкобуржуазной стихией и покупать сельдей в таком дискуссионном порядке? Товарищ Баян, я против этого мещанского быту — канареек и прочего...

В пьесе В. Маяковского «Клоп» мы встречаем две дихотомии: *товарищ — гражданин* и *товарищ — мещанин*:

*Товарищи и граждане,
водка — яд.*

*Пьяные
республику
зазря сплят!*

[Маяковский 1988: 674]

Суждение «водка — яд» уравнивает людей, «товарищей» и «граждан», не равных по социальному положению. Но в целом в пьесе «Клоп» В. Маяковский, клеймя мещан, обывателей, проводит идею о том, что в будущем, фиксируемом им 1979 годом, будет установлено полное равенство между людьми и принято обращение «товарищ» для всех. В качестве фантастического эксперимента автор запускает Присыпкина, бывшего рабочего, а ныне пьющего мещанина, обывателя («клопа»), в прекрасное будущее, устроенное рационально. В Маяковский подавал это как нечто невозможное при коммунизме, но фактически изобразил весьма распространенный в период нэпа социальный тип человека, которому не место в будущем. В конце пьесы этот Присыпкин-Скрипкин находится в клетке и выставлен на всеобщее публичное осуждение как представитель «старого мира», и даже не человек. Ему остается лишь горько взывать к публике, обращаясь к ней: *Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалте ко мне! За что ж я страдаю?! Граждане!* Но он сам — «ископаемое животное», извлеченное учеными из «затхлых матрацев времени». Маяковский воспроизводит свойственный официальному мнению более высокий статус обращения *товарищ* по сравнению с обращением *гражданин*, тем самым фиксируя социальное неравенство.

Эта особенность советского общества нашла отражение во множестве советских и постсоветских произведений искусства, включая кинематограф. Один пример. В фильме А. Кончаловского «Дорогие товарищи» (2020) есть эпизод, который показывает легкость понижения статуса «товарища» до статуса «гражданина» в чрезвычайных обстоятельствах. Главная героиня, член горкома КПСС, в поисках могилы дочери, которую могли расстрелять снайперы КГБ из-за участия

в забастовке рабочих в Новочеркасске, вынуждена преодолевать оцепление города армейскими подразделениями. Пытаясь договориться о выезде из города с офицерами на пропускном пункте, она нарушает приказы вышестоящих властей — «дорогих товарищей», тем самым попадая в число подозреваемых лиц. Офицер называет ее «гражданкой», даже видя удостоверение члена горкома партии, и ставит ее лицом к стене. В данном фильме предполагается, что героиня, скорее всего, вернет статус «товарища». Доказательством тому служит то, что, несмотря на понимание ею несправедливости насилия, происходящего в отношении невиновных рабочих, она периодически поет припев песни «Весенний марш» (стихи С. Михалкова, музыка И. Дунаевского), начинающийся с обращения *товарищ*. Это свидетельствует о страхе героини утратить статус «товарища» и стать просто «гражданкой», а также символически подтверждает лояльность героини по отношению к вышестоящей власти и веру в правильность любых ее действий.

В итоге получается, что доминирующим в слове «товарищ» является значение «свой», соратник по политической борьбе или член одной организации, единомышленник. Но и внутри общности «товарищей» существовало разделение на рядовых и «ответственных товарищей», которым полагались различного рода привилегии и льготы, другой «паёк». Таким образом, обращения *товарищ* и *гражданин* фиксируют социальное неравенство в советском обществе, опровергающее культивируемые в настоящее время мифы о жизни в СССР, подпитывающие ностальгию по идеализированному советскому прошлому.

ИСТОЧНИКИ

1. Аристотель. Политика // Платон. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2003. — С. 307–584. — (Серия «Антология мысли»).
2. Горький, А. М. Товарищ / А. М. Горький. — Текст : непосредственный // Русская литературная сказка / сост., вступ. ст. и примеч. Н. А. Листиковой. — Москва : Советская Россия, 1989. — С. 383–388.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — Москва : Цитадель, 1998. — Т. 4. — 832 с. — Текст : непосредственный.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1958–1965. — Т. 31. — С. 306. — Текст : непосредственный.
5. Лихачев, Д. С. Воспоминания / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Logos, 1995. — 519 с. — Текст : непосредственный.
6. Лихачев, Д. С. Я вспоминаю / Д. С. Лихачев. — Москва : Прогресс, 1991. — 256 с. — Текст : непосредственный.
7. Маяковский, В. Клоп / В. В. Маяковский. — Текст : непосредственный // Сочинения. В 2 т. / В. В. Маяковский ; сост. Ал. Михайлова ; прим. А. Ушакова. — Москва : Правда, 1988. — Т. 2. — С. 548–583.

8. Маяковский, В. Стихи о советском паспорте / В. В. Маяковский. — Текст : непосредственный // Громада любовь. Лирика / В. В. Маяковский. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1984. — С. 349–351.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багичева, Н. В. Речевой этикет как необходимое условие успешного общения детей дошкольного возраста / Н. В. Багичева. — Текст : непосредственный // Филологическое образование в период детства. — 2016. — № 23. — С. 8–10.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 416 с. — Текст : непосредственный.
3. Выходцева, И. С. Функционирование слова «Товарищ» в советской словесной культуре / И. С. Выходцева. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2014. — № 13. — С. 17–23.
4. Гольдин, В. Е. Речь и этикет: книга для внеклассного чтения учащихся 7–8 классов / В. Е. Гольдин. — Москва : Просвещение, 1983. — 109 с. — Текст : непосредственный.
5. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин ; под ред. Л. И. Баранниковой. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 136 с. — Текст : непосредственный.
6. Кожухова, Л. В. Речевой акт обращения / Л. В. Кожухова. — Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2007. — № 48. — С. 80–85.
7. Кронгауз, М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства / М. А. Кронгауз. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — Москва : Индрик, 1999. — С. 124–133.
8. Куликова, Э. Г. Социальная коммуникация и социальные отношения в контексте идей лингвистической экологии / Э. Г. Куликова. — Текст : непосредственный // Философия права. — 2017. — № 1 (80). — С. 76–82.
9. Лю, Минлин. Лингвокультурологический аспект изучения изменений форм обращения к незнакомым людям в русском языке / Лю Минлин. — Текст : непосредственный // Русистика. — 2007. — № 1. — С. 59–64.
10. Паневина, И. Этикетное обращение в современной России. Социально-этический аспект / И. Паневина. — Текст : непосредственный // Филология и культура. — 2021. — № 4 (66). — С. 106–110.
11. Сомин, А. А. Обращение *господа* в исторической перспективе / А. А. Сомин, Е. М. Гряднева. — Текст : непосредственный // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2020. — № 4. — С. 91–107.
12. Фан, И. Б. Античные модели гражданства / И. Б. Фан. — Текст : непосредственный // Научный ежегодник Института философии и права УРО РАН. — 2002. — Вып. 3. — С. 92–107.
13. Фан, И. Б. Концепт гражданина в российской истории и культуре / И. Б. Фан. — Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. — 2017. — № 1 (26). — С. 160–163.
14. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — Москва : Высшая школа, 1989. — 156 с. — Текст : непосредственный.
15. Чжан, Д. Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Д. Чжан. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — № 1. — С. 223–237.

MATERIALS

1. Aristotle' & Platon (2003). *Aristotel'. Politika. Platon. Nauka ob upravlenii gosudarstvom* [Aristotle. Politics. Plato. The Science of Government] (pp. 307–584). Moscow: Ehksmo, St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. (Seriya «Antologiya mysli»). (In Russ.)
2. Gor'kiy, A.M. (1989). *Tovarishch*. In N.A. Listikova (Comp., notes), *Russkaya literaturnaya skazka* (pp. 383–388). (In Russ.)
3. Dal', V.I. (1998). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] (Ed. Prof. I.A. Boduehn de Kurteneh, Vol. 4). Moscow: Tsitadel', 832 p. (In Russ.)

4. Lenin, V.I. (1958–1965). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works] (Ed. Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 5th ed., Vol. 31, p. 306). Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
5. Likhachev, D.S. (1995). *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg: Logos, 519 p. (In Russ.)
6. Likhachev, D.S. (1991). *Ya vspominayu* [I Remember]. Moscow: Progress, 256 p. (In Russ.)
7. Mayakovskiy, V.V. (1988). Klop [Bedbug]. In Al. Mikhaylov (Comp.), *Sochineniya* (Vol. 2, pp. 548–583). Moscow: Pravda. (In Russ.)
8. Mayakovskiy, V.V. (1984). Stikhi o sovetskom pasporte [Poem about the Soviet passport]. In *Gromada lyubov'*. *Lirika* (pp. 349–351). Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bagicheva, N.V. (2016). Rechevoy ehtiket kak neobkhodimoe uslovie uspehnogo obshcheniya detey doshkol'nogo vozrasta [Speech etiquette as a necessary condition for successful communication of preschool children]. *Filologicheskoe obrazovanie v period detstva*, 23, 8–10. (In Russ.)
2. Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 416 p. (In Russ.)
3. Vykhodtseva, I.S. (2014). Funktsionirovanie slova “Tovarishch” v sovetskoy slovesnoy kul'ture [The functioning of the word “Comrade” in Soviet verbal culture]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, 13, 17–23. (In Russ.)
4. Gol'din, V.E. (1983). *Rech' i ehtiket: kniga dlya vneklasnogo chteniya uchashchikhsya 7–8 klassov* [Speech and Etiquette: a book for extracurricular reading for students in grades 7–8]. Moscow: Prosveshchenie, 109 p. (In Russ.)
5. Gol'din, V.E. (2009). *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems] (Ed. by L.I. Barannikova, 2nd ed., corr. and enlarged). Moscow: LIBROKOM, 136 p. (In Russ.)
6. Kozhukhova, L.V. (2007). Rechevoy akt obrashcheniya [Speech act of address]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 48, 80–85. (In Russ.)
7. Krongauz, M.A. (1999). Obrashcheniya kak sposob modelirovaniya kommunikativnogo prostranstva [Addresses as a way of modeling communicative space]. In N.D. Arutyunova, & I.B. Levontina (Eds.), *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* (pp. 124–133). Moscow: Indrik. (In Russ.)
8. Kulikova, E.G. (2017). Sotsial'naya kommunikatsiya i sotsial'nye otnosheniya v kontekste idey lingvisticheskoy ekologii [Social communication and social relations in the context of ideas of linguistic ecology]. *Filosofiya prava*, 1(80), 76–82. (In Russ.)
9. Liu, Minlin (2007). Lingvokul'turologicheskiy aspekt izucheniya izmeneniy form obrashcheniya k neznakomym lyudyam v russkom yazyke [Lingvocultural aspect of the study of changes in forms of address to strangers in the Russian language]. *Rusistika*, 1, 59–64. (In Russ.)
10. Panevina, I. (2021). Ehtiketnoe obrashchenie v sovremennoy Rossii. Sotsial'no-ehlicheskiy aspekt [Etiquette of address in modern Russia. Social and ethical aspect]. *Filologiya i kul'tura*, 4(66), 106–110. (In Russ.)
11. Somin, A.A., & Gridneva, E.M. (2020). Obrashchenie gospoda v istoricheskoy perspektive [The address of the Lord in historical perspective]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 4, 91–107. (In Russ.)
12. Fan, I.B. (2002). Antichnye modeli grazhdanstva [Ancient models of citizenship]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 3, 92–107. (In Russ.)
13. Fan, I.B. (2017). Kontsept grazhdanina v rossiyskoy istorii i kul'ture [The concept of a citizen in Russian history and culture]. *Diskurs-Pi*, 1(26), 160–163. (In Russ.)
14. Formanovskaya, N.I. (1989). *Rechevoy ehtiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and culture of communication]. Moscow: Vysshaya shkola, 156 p. (In Russ.)
15. Zhang, D. (2018). Formy obrashcheniya kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nogo konflikta v povesti M. Bulgakova “Sobach'e serdtse” [Forms of address as a means of expressing social conflict in M. Bulgakov's story “Heart of a Dog”]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 1, 223–237. (In Russ.)